

Л. Д. Демидова
Общественный и правительственный
либерализм после 1 марта 1881 года

Убийство Александра II стало одним из ключевых моментов в отношениях власти и общества. После 1 марта 1881 г. особенно остро стал вопрос о либеральной альтернативе развития страны. Кроме либеральной группировки в правительстве, возглавляемой М. Т. Лорис-Меликовым, существовали и либеральные общественные круги, которые к началу 1880-х гг. отличали свою позицию от позиции власти. Исследования, так или иначе касавшиеся ситуации после 1 марта, затрагивали проблему борьбы в верхах и причины «консервативного поворота»¹, обращались к анализу позиций отдельных либеральных деятелей или групп², но целостная картина ли-

---

Демидова Лариса Денисовна, студентка Новосибирского государственного университета. E-mail: lardem@mail.ru

¹ *Щеголев П.* Из истории конституционных веяний в 1879–1881 г. // *Былое*. 1906. № 12; *Он же*. После 1 марта 1881 г. // *Былое*. 1907. № 3; *Готье Ю. В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // *Исторические записки*. М., 1938. Т. 2; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-х – 1880-х гг. М., 1964; *Мамонов А. В.* Граф М. Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // *Отечественная история*. 2001. № 5; *Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.

² *Зорькин В. Д.* Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX – начала XX в. М., 1975; *Петров А. Ф.* Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. // *Вопросы истории*. 1974. № 9; *Он же*. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. // *Отечественная история*. 1993. № 4; *Драган С. Н.* Либералы и М. Т. Лорис-Меликов после 1 марта 1881 г. // *Вестн. Моск. гос. ун-та*. 2002. № 3. Серия: История; *Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004; *Твардовская В. А.* Александр Дмитриевич Градовский: научная и политическая карьера русского либерала // *Отечественная история*. 2001. № 3.

беральной общественной реакции на убийство Александра II воссоздана так и не была: выявляя общие тенденции, исследователи скорее склонны были подчеркивать ее несамостоятельный характер, делая либеральную общественную мысль после 1 марта либо союзницей радикалов, либо приписывая либералам переход на консервативные позиции.

Оставив без внимания предложения народолюбцев, направленные на изменение общественного строя, либеральная и консервативная части общества использовали ситуацию после цареубийства для продвижения собственных идей. При этом развернулась борьба за влияние на мнение верховной власти. Отдавая дань общественной перебранке и отвечая консерваторам взаимным обвинением в предательстве, попустительстве и моральном пособничестве убийцам, либералы сами поспешили отмежеваться от навязываемых сравнений с радикалами-террористами. Однако главной чертой общественных настроений стало ожидание перемен.

В либеральных кругах общества царило оживление: скорбь сменялась надеждами на лучшее. С марта-апреля 1881 г. на страницах «толстых» журналов началось обсуждение создавшейся обстановки. Обозреватель «Отечественных записок» выражал «искреннее желание... чтоб с наступлением нового царствования начался и новый период русской жизни»¹. Сомнения в изменении правительственной политики и курса, начатого М. Т. Лорис-Меликовым, не допускались – на утверждавших обратное консерваторов обрушился поток обвинений чуть ли не в предательстве национальных интересов. В передовой статье «Русской мысли» Александр III был назван «царем правды и добра», и не без намека подчеркивалось, что «русский народ услышал его слово, изрекшее обет посвятить всю свою жизнь попечениям о благоденствии, могуществе и славе России и великое, исполненное благости, намерение следовать отцу своему и закончить дела, начатые им»². При этом важнейшим условием дальнейших преобразований должно было

¹ *Отечественные записки*. 1881. № 3. С. 16.

² *1 марта* 1881 г. // *Русская мысль*. 1881. Кн. 4. С. 7.

стать участие общества в их обсуждении: по словам автора статьи в «Вестнике Европы», «преобразовательная работа, совершенная с участием общества – если только участие это не перестанет быть чем-то экстраординарным, случайным, представляет... существенно важное преимущество: преимущество прочности, устойчивости»¹. Ради такого случая автор оправдывал даже необходимость репрессий, разумеется, при условии, что правительство отличит их от террора: «первые поражают только виновных, а последние не разбирают правых и виноватых»². Либеральные издания поспешили лишней раз выразить поддержку правительственного курса. Это должно было служить залогом, что их чаяния будут услышаны.

Отражением надежд либеральной части общества стали распускаемые слухи о конституции³. Тем не менее само слово «конституция», по замечанию исследователя, «не было при этом сказано ни одной газетой», что отчасти объяснялось цензурными ограничениями, наложенными М. Т. Лорис-Меликовым⁴. Однако отсутствие заветного слова вовсе не означало, что либеральная мысль находилась в упадке.

Свои проекты государственного переустройства предложили наиболее заметные либеральные деятели. К. Д. Кавелин, по взглядам близкий к славянофилам, еще в феврале 1880 г. обращался с письмом к М. Т. Лорис-Меликову, где говорил о необходимости «укрепить власть, ослабленную теперь всеобщим на воздухе составом высших и низших чиновников» путем создания разветвленной и завершенной системы земских органов с представительством в центральных органах власти. Однако, после 1 марта его проекты носили более ограниченный характер: в программе ближайших политических преобразований, адресованной Кавелиным Александру III, выборные от

---

¹ *Внутреннее обозрение* // Вестник Европы. 1881. № 4. С. 782.

² Там же. С. 774, 785.

³ *Бобринский А. А.* Воспоминания (1880–1881 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 105.

⁴ *Нарбеков Н. В.* Печать и 1 марта (Обзор столичных газет и журналов) // 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 23, 26.

губернских земств должны были войти только в состав Государственного совета, составив половину его численности¹.

Еще более сложной представляется позиция Б. Н. Чичерина. Если в 1878 г. в брошюре «Конституционный вопрос» он подчеркивал необходимость конституционных преобразований в стране, но настаивал на их постепенности², то после 1 марта 1881 г. его позиция меняется: в дневнике и воспоминаниях нередко проскальзывают выражения, которые сделали бы честь любому консерватору. В письме к К. П. Победоносцеву под названием «Задачи нового царствования» он констатировал, что «теперь всякое ограничение власти было бы губительно», так как только ослабит общество и усилит радикальную оппозицию. Однако именно потому, что власть нуждается в данный момент в поддержке общества для борьбы с крамолой, она должна пойти на призвание выборных от дворянства и земства в Государственный совет, но не для того, чтобы «почерпать из него несуществующую в нем мудрость, а с тем, чтобы воспитать его к политической жизни, создавши для него такие условия, при которых возможно правильное политическое развитие». В результате общество создаст альтернативу бюрократии, которая «износилась» и не в силах более выполнять возложенных на нее функций³. В. Д. Зорькин и Ф. А. Петров считают эту записку тактическим ходом, при помощи которого «принципиальный сторонник постепенного введения конституционной монархии в России» продвигал свои проекты во властные структуры⁴. Более взвешенной представляется позиция В. А. Китаева: он склоняется к оценке Б. Н. Чичерина как «консервативного либерала», а в его поведении после 1 марта усматривает проявление «ситуативного консерва-

¹ *Китаев В. А.* Либеральная мысль в России... С. 74–75.

² *Петров Ф. А.* Земско-либеральные проекты... С. 39.

³ *Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденция: письма и записки. 1866–1895.* Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 54, 62–66.

⁴ *Зорькин В. Д.* Из истории буржуазно-либеральной мысли... С. 162–164; *Петров Ф. А.* Земско-либеральные проекты... С. 40.

тизма»¹. Заметим, что об этом свидетельствует сам факт обращения Б. Н. Чичерина со своим проектом к консерватору К. П. Победоносцеву и та настойчивость, с которой он предлагал последнему свой проект.

Сходных воззрений придерживался и А. Д. Градовский. В марте он представил Александру III записку, в которой выступал за призвание общественных представителей к управлению, считая, что таким образом правительство лучше сможет узнать нужды общества². Специфика позиции А. Д. Градовского заключалась в том, что ему в отличие от Б. Н. Чичерина был известен аналогичный проект М. Т. Лорис-Меликова, а изложенные в ней идеи были очень близки к тем, что высказывались министром внутренних дел в докладах.

После 1 марта появилось и несколько проектов земских либеральных деятелей. А. В. Васильчиков в записке «По поводу призыва земских людей к разработке некоторых законопроектов» предполагал включить выборных от земства не в высшие органы государственной власти, а в состав Главного комитета об устройстве сельского состояния для обсуждения законопроектов по крестьянскому делу³. А. И. Кошелев в брошюре «Где мы? Куда и как идти?», выступая «за самодержавие, против бюрократии и конституции», предлагал создать постоянный совещательный земский орган или специальную комиссию для обсуждения переданных правительством на ее рассмотрение дел и ходатайств земских учреждений («общую земскую думу», по его выражению)⁴.

Характерной чертой этих проектов был их подчеркнутый антиконституционализм. Авторы делали упор на то, что реализация их предложений приведет не к установлению конституционного строя, а наоборот, уберечет общество от слишком смелых либеральных фантазий. В этом

---

¹ *Китаев В. А.* Либеральная мысль в России... С. 156–159.

² *Твардовская В. А.* Александр Дмитриевич Градовский... С. 48.

³ *Петров Ф. А.* Земско-либеральные проекты... С. 42.

⁴ *Русское общество 40-х – 50-х гг. XIX в. М., 1991. Ч. I: Записки А. И. Кошелева. С. 199; Петров Ф. А.* Земско-либеральные проекты... С. 45.

смысле все они схожи по своей цели с проектом М. Т. Лорис-Меликова. Признавая вред революционного движения, русские общественные деятели считали его лишь следствием главной болезни – бюрократии, излечить которую можно лишь при условии объединения, доверия и совместной работы общества и правительства. Поэтому наиболее подходящим для определения подобных проектов был бы, возможно, эпитет «антибюрократические». Очевидно, нет основания называть их конституционными только на основании того, что их реализация была бы шагом на пути к ограниченной монархии. Во всяком случае сами авторы активно против этого протестовали.

Впрочем, из либеральной среды все же вышло несколько радикальных на тот момент предложений, которые позволили высказать себе некоторые газеты, такие как «Страна», «Голос», «Молва». Смысл их передовых статей действительно заключался в том, что верховной власти не следует более вмешиваться в борьбу общественно-политических сил, дабы не потерять своего величия¹. Следует, однако, заметить: предложения носили характер хотя и весьма прозрачных, но намеков, и не представляли собой развернутых проектов, что отчасти объясняется способом подачи материала (в подцензурных изданиях), а также, вероятно, тем, что упор делался не на способы, а на саму идею ограничения власти.

Всплеск активности общественных либеральных сил происходил на фоне событий, которые разворачивались во властных структурах. Положение либеральной группировки после 1 марта 1881 г. было неустойчивым, но и небезнадежным. Об этом говорят итоги заседания Совета министров 8 марта и совещания 21 апреля, воспринятые либералами как победа². Свидетельствуют об этом доклад М. Т. Лорис-Меликова от 12 апреля и проект второго пра-

---

¹ *Богучарский В. Я.* 1 марта – 3 апреля 1881 г. (Петербург 25 лет тому назад) // *Былое.* 1906. № 3. С. 30; *Нарбеков Н. В.* Печать и 1 марта... С. 28.

² *Первые* недели царствования императора Александра III. Письма К. П. Победоносцева к Е. Ф. Тютчевой // *Русский архив.* 1907. № 5. С. 98.

вительственного сообщения, одобренный Александром III, сохранившие главное положение будущей реформы – привлечение общественных представителей к участию в решении насущных проблем¹. Вплоть до появления манифеста проект министра внутренних дел не был окончательно отвергнут.

Между тем обращает на себя внимание настрой либеральной группировки в целом и М. Т. Лорис-Меликова в частности. Не только ярые противники реформ обвиняли его в случившейся трагедии, но и сам он чувствовал свою вину, сразу же после 1 марта подав прошение об отставке, которую Александр III не принял даже вопреки настойчивым просьбам К. П. Победоносцева². О настроениях, царивших в либеральной правительственной группировке, можно судить по дневнику Д. А. Милютин. 16 марта они с М. Т. Лорис-Меликовым приходят к заключению, «что оба должны еще некоторое время находиться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противоположных путей выбран императором»³. 15 апреля он записывает свой разговор с А. А. Абазой, который «сознает ненормальность теперешнего порядка вещей, но считает нужным выждать некоторое время, *прежде чем решиться сойти со сцены* (курсив мой – Л. Д.)»⁴. Накануне совещания 21 апреля «граф Лорис-Меликов очень разочарован; не предвидит ничего хорошего», а разговор между либеральными министрами идет не о проектах, а о том, чтобы выяснить завтра, «можем ли мы, с нашими понятиями и убеждениями еще долее тянуть ляжку, не зная, куда тянем»⁵. При этом Д. А. Милютин отмечает, что «внешние» обстоятельства для них вполне благоприятны: не только положитель-

---

¹ *Всеподданнейший* доклад графа Лорис-Меликова. 12 апреля 1881 г. // Былое. 1918. № 4–5. С. 184; *Проект* правительственного сообщения, одобренный государем императором Александром III // Русский архив. 1916. № 1. С. 26–31.

² *Феоктистов Е. М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929. С. 196.

³ *Милютин Д. А.* Дневник. М., 1950. Т. 4: 1881–1882. С. 40.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 56–57.

ный исход совещаний, но и отношение Александра III: «государь, как кажется, относится сдержанно к внушению с разных сторон: к Лорис-Меликову продолжает пока показывать доверие» (запись 16 марта)¹. Несмотря на то что М. Т. Лорис-Меликов продолжал разрабатывать свой проект после 1 марта, его активность в качестве защитника либеральных преобразований значительно снизилась: «героем» заседаний 8 марта и 21 апреля стал не он, а А. А. Абаза². Ключевым словом для характеристики деятельности либеральной группировки в этот период становится не «действие», а «выжидание» и «неуверенность». Обращает на себя внимание готовность не отстаивать свои проекты, а уйти, как только представится возможность. А. С. Суворин передавал свой разговор с М. Т. Лорис-Меликовым, который готов был подать в отставку, «как только пойдут против его убеждений», причем эта позиция не была лишена оттенка демонстративности: «Я сумею оставить свой пост», – заявлял министр внутренних дел³. Это разительно отличалось от настроения К. П. Победоносцева, который так же, как и либералы, после 1 марта находился в весьма неустойчивом положении, но действовал с полной уверенностью в своей правоте.

Пессимистический настрой министра внутренних дел не способствовал установлению более тесных контактов с либеральной частью общества. М. Т. Лорис-Меликов подчеркивал ограниченность своей программы, подчиненность ее задачам момента. Обращаясь за поддержкой к обществу, он надеялся, что его инициативы могут дать «правильный», т. е. нужный правительству «исход заметному стремлению общественных сил к служению Престо-

---

¹ Милютин Д. А. Дневник. С. 40.

² Швейниц Г.-Л., фон. Дневник // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 173; Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок... С. 265.

³ Де Волан Г. А. Очерки прошлого // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 109.

ла и Отечества»¹. В реализации же своих проектов он всецело опирался на верховную власть в лице государя и не изменил этой линии поведения и после 1 марта, отвергнув поддержку либеральной части общества, относившейся к нему с большой симпатией. Это явилось, по мнению исследовательницы, его ошибкой². Но это была, по-видимому, принципиальная позиция: в докладах от 11 апреля и 20 сентября 1880 г. он подчеркивал необходимость жесткого контроля власти за процессом формирования общественного мнения и руководства периодической печатью³. Министр внутренних дел считал необходимым создание не свободной, а лояльной правительству прессы, которая могла обсуждать насущные проблемы, но не правительственные решения. Он, скорее, был адептом ограниченной гласности, нежели свободы слова. Либеральная же часть общества после 1 марта демонстрировала противоположные устремления. В результате размежевание либералов, и до мартовских событий составлявших довольно аморфный лагерь, усиливало позиции противоположной стороны.

Манифест 29 апреля 1881 г. и отставку М. Т. Лорис-Меликова либеральная часть общества восприняла без паники и внешне спокойно. Либеральные издания отказывались понимать документ однозначно. Обозреватель «Вестника Европы» заявлял, что «манифест 29-го апреля написан в общих выражениях, а потому наиболее знаменательное его место (о том, что Александр III намеревается встать “бодро на дело правления”. — Л. Д.) определяет задачу правительства отрицательно, но не положительно;

---

¹ *Всеподданнейший доклад министра внутренних дел генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова. 28 января 1881 г.* // Русский архив. 1916. № 1. С. 11.

² *Твардовская В. А.* Комментарий к статье А. В. Мамонова «Граф М. Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности» // Отечественная история. 2001. № 5. С. 53.

³ *Всеподданнейший доклад графа Лорис-Меликова. 11 апреля 1880 г.* // Былое. 1918. № 4–5. С. 160; *Граф Лорис-Меликов и император Александр II о положении России в сентябре 1880 г.* // Былое. 1917. № 4 (26). С. 36.

оно показывает нам, что именно отвергнуто, что не будет допущено правительством, но еще не объясняет, что будет сделано, предпринято им»¹. Автор статьи в «Русской речи», соглашаясь с консервативными изданиями, что манифест утверждает «действительно самодержавную власть», понимал под ней власть, опирающуюся на народ посредством выборных, имеющих совещательные функции². Позиция обозревателя «Русского богатства» по поводу манифеста была демонстративно-«непонимающей» – автор статьи отказывался истолковать его как свидетельство перехода правительства на консервативные позиции. Призыв царя к подданным принять участие в искоренении «неблагополучия» расценивался не иначе, как подтверждение правильной позиции либеральной прессы: подчеркивалось, что периодическая печать, могла это сделать «только путем оглашения всех “неправд” и “хищений” и всякого рода “беспорядков”, а равно и путем обличения всевозможных “патриотов своего отечества”, под маскою благонамеренности преследующих личные интересы во вред интересам страны»³.

Таким же образом периодическая печать отреагировала и на циркуляр нового министра внутренних дел Н. П. Игнатьева, призывавший общество к борьбе с крамолой и сотрудничеству с властями. Отдельные положения циркуляра были использованы для того, чтобы еще раз провести либеральные идеи. Автор статьи в «Русской мысли», давая понять, что ему ясен истинный смысл циркуляра, оценил его положительно, насчет содействия властям тактично заметив: «Мы не решаемся думать, что в данном случае речь идет об участии местных жителей в так называемой исполнительной, полицейской власти». Далее, в очередной раз проводя мысль о самоуправлении и представительстве, автор статьи подчеркивал, что для этого необходимо «установление законом начала личной неприкосновенности,

¹ *Внутреннее обозрение* // Вестник Европы. 1881. № 6. С. 801.

² *Навроцкий А. А.* Самодержавие и конституционализм // Русская речь. 1881. № 6. С. 373.

³ *Комаров А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1881. Май. С. 68.

свободы совести, печати и слова»¹. Выражалась надежда, что Н. П. Игнатъев пойдет по пути своего предшественника. В другой статье содержалась полнейшая уверенность, что он «не верит в силу господствующей у нас бюрократии и противопоставляет ей деятельную и живую силу общества, которая должна составлять единственно прочную опору для правительства во всей его деятельности»². У обозревателя «Вестника Европы» циркуляр не вызывал иллюзий в перемене курса, но разбор документа послужил очередным поводом для выражения идей гласности и представительных учреждений: правительство «должно работать над созданием таких учреждений, которые благоприятствовали бы развитию хороших сторон человеческой природы, не давали бы пищи ее дурным инстинктам, поднимали бы умственный и нравственный уровень народа»³. Автор статьи в «Русской речи» был кратким и лаконичным: «... что же касается до циркуляра графа Игнатъева, то мы не можем сказать о нем ничего, пока не увидим, какими именно мерами граф желает осуществить на практике намеченные им цели»⁴.

Либеральная часть общества не желала участвовать в охране порядка в качестве помощника полиции и показывала, что готова брать на себя ответственность за беды в стране только в том случае, если она не только свободно сможет обсуждать их, но и самостоятельно вырабатывать способы их искоренения. Остро ощущая немногочисленность своих рядов, либералы делали упор на значимости своего мнения. Не раз повторялось характерное для того времени убеждение, что пресса понимает чаяния народа и свобода печати важна не только для общества, но и для народа⁵.

---

¹ *Внутреннее обозрение* // Русская мысль. 1881. Кн. 6. С. 92–93.

² *Положение печати* // Русская мысль. 1881. Кн. 8. С. 50.

³ *Внутреннее обозрение* // Вестник Европы. 1881. № 6. С. 802–805.

⁴ *Внутреннее обозрение* // Русская речь. 1881. Кн. 6. С. 11.

⁵ *Португалов В.* Общественное мнение // Русское богатство. 1881. Июнь. С. 93–94; *Внутреннее обозрение* // Вестник Европы. 1881. № 5. С. 342.

К лету 1881 г. заметно изменение тона печатных изданий. Период ожиданий уступает место тоске. В публикациях появляются пессимистические мотивы: «назревает исторический нарыв», «процесс разложения между тем затягивается», «жизнь должна непременно повеселеть и обновиться: она бессмертная красавица, которая только на время становится старухой», в отсутствие преобразований гласность становится единственной надеждой¹. В это время либеральной печатью предпринимаются безуспешные попытки в очередной раз отбиться от навязываемого консерваторами сравнения с нигилистами, критикуется «реакция» в лице И. С. Аксакова, М. Н. Каткова и «их приспешников»². Так как с поворотом правительственного курса уже ничего поделать было нельзя, оставалось обвинять консерваторов в «игре в реакцию». Но одновременно мелькает и тоскливое замечание – «позади у нас остается эпоха реформ»³. Обозреватель «Русской мысли» переходит на оправдательный тон: «легальную оппозицию не следует считать врагом правительства», «оппозиция есть не враг правительства, но временного господствующего в нем направления. <...> Мы отнюдь не допускаем мысли о возможности существования в нашем правительстве узкого стремления поддержать одну какую-нибудь из общественных партий при помощи искусственных мер, стесняющих деятельность другой»⁴.

Осенью дискуссии были практически свернуты. В передовой статье «Вестника Европы» появляются сетования на «неопределенность». Положение либеральной печати осложнялось цензурными преследованиями. В предостережениях газетам видели плохой симптом. Но и в этой ситуации редакция «Вестника Европы» предпринимает очередную попытку убедить себя и читателей, что возврат

---

¹ По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1881. № 7. С. 94–95, 108.

² Ретроградная печать и голос провинции // Вестник Европы. 1881. № 7. Отд. I.

³ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1881. № 7. Отд. II. С. 347.

⁴ Положение печати... С. 55–56.

к старому невозможен, и правительство все-таки осуществит реформы, хотя и без поддержки общества: «Эра реформ всегда была до сих пор эрой сравнительной свободы для печати, нам предстоит, по-видимому, присутствовать при явлении противоположного свойства. Задуманные преобразования предполагается, по-видимому, совершить без веской поддержки со стороны общества, даже без той небольшой поддержки, к которой оно привыкло в продолжение последнего двадцатилетия»¹.

Обозреватель «Русской мысли» пытался придать черты прогрессивности «Положению о мерах к охранению государственного порядка», но даже цитирование «удобных» мест документа не могло выявить в нем желательных для либеральной общественности мыслей: приходилось признать, что закон – продолжение мер 1878–1879 гг. для борьбы с крамолой, и выразить слабую надежду, что закон останется на бумаге². В результате от мартовской уверенности в неизбежности второй волны реформ к ноябрю осталась надежда на «незыблемость основных начал великих преобразований».

Возможно, единственным ощутимым результатом общественной полемики стало понимание того, что настоящий «консервативный поворот» невозможен как таковой – разочарование было связано с откладыванием намечавшейся «второй волны» реформ и очередного отстранения общества от участия в их обсуждении.

Вряд ли можно утверждать, что общество в 1881 г. упустило «исторический шанс», как полагают, в частности, Б. С. Итенберг и В. А. Твардовская, отмечающие, что вина за его упущение лежит как на власти (в лице либеральной группировки), так и на обществе: они «не смогли объединить усилия» в «натиске на самодержавие»³. Действительно, в 1881 г. либеральные предложения вряд ли можно назвать четко выраженными. Они носили, скорее, характер

¹ *Внутреннее обозрение* // Вестник Европы. 1881. № 9. С. 345.

² *По поводу закона 14 августа* // Русская мысль. 1881. Кн. 10. С. 136–163.

³ *Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. С. 209.

полунамеков и пожеланий. Но самостоятельность либеральной части общества состояла вовсе не в том, что из ее среды вышли решительные и теоретически четко оформленные проекты конституционного переустройства. Как можно было убедиться, предложения общественных преобразований были весьма умеренными, по своему характеру близкими к проекту М. Т. Лорис-Меликова. Но общественное мнение, как это в свое время убедительно показал Г. Тард, складывается не столько из разумных доводов, сколько из таких факторов, как чувства, желания, настроения¹. Общий же настрой и характер ожиданий либеральной части общества в корне отличались от позиции либеральной правительственной группировки, не видевшей после 1 марта 1881 г. никаких перспектив. Поэтому желание и практическая готовность решать назревшие общероссийские проблемы, а также то обстоятельство, что либералов перестала удовлетворять концепция «инициативной монархии», сторонником которой было либеральное правительство, служит доказательством определенной зрелости общественного мнения. Либеральная часть общества стремилась не только к продолжению реформ, но и к активному участию в преобразовании русской жизни и искоренении ее пороков, делала упор на практике, а не на разработке теорий. В отсутствие легальных способов повлиять на власть через общественные институты «исторический шанс» либералов состоял в том, чтобы показать существование собственной позиции и выявить приоритеты общественного развития. Это им сделать удалось. Однако расхождения власти и общества в понимании «гражданственности» и «служения» имели следствием различное понимание других вопросов. В результате этого непонимания «недосказанная поневоле правда казалась ложью, а недосказанная ложь принималась за правду»².

¹ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М., 1999.

² Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1881. Кн. 4. С. 22.